

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.14

УДК 330.3 4.01+330.342.173, ББК 65.013.7+65.23

© Диденко Д.В.

Опыт государственного стратегического планирования в СССР в теоретических и эмпирических исследованиях*

**Дмитрий Валерьевич
ДИДЕНКО**

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Москва, Российская Федерация, 119571, пр. Вернадского, д. 82, стр.1
E-mail: didenko-dv@ranepa.ru
ORCID: 0000-0001-5295-2538; ResearcherID: F-7793-2017

Аннотация. В последние годы в Российской Федерации происходит формирование системы стратегического планирования, аналогичной действующей во многих странах с рыночной экономикой. Однако успешность внедрения такой системы в научной литературе оценивается критически. В этой связи приобретает актуальность цель данной статьи – расширение теоретико-методологической базы и инструментария новой институциональной экономической истории для изучения эмпирического материала об институциональных практиках централизованного планирования в СССР с точки зрения потребностей системы стратегического планирования экономики РФ. Наибольшее внимание данной проблематике уделено в таких научных направлениях, как экономика развития и активно взаимодействующая с ней институциональная экономика. Новизна исследования представлена постановкой автором методологических вопросов в контексте оригинального понимания им тенденций эволюции экономики развития на основе его интерпретации содержания исследований, изучавших советский

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00680 «Исследование институциональных механизмов взаимодействия науки и управления экономикой в СССР (середина 1950-х – конец 1980-х гг.) в контексте развития системы стратегического планирования в государственном секторе экономики РФ». Автор выражает благодарность Г.Г. Попову за полезные обсуждения и предложения. Также автор признателен анонимному рецензенту за замечания и рекомендации по улучшению содержания исследования, оставляя за собой полную ответственность за все сведения, выводы и оценки, а также все остающиеся недостатки данной статьи.

Для цитирования: Диденко Д.В. Опыт государственного стратегического планирования в СССР в теоретических и эмпирических исследованиях // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 211–228. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.14

For citation: Didenko D.V. State strategic planning experience in the USSR in theoretical and empirical studies. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 5, pp. 211–228. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.14

опыт централизованного планирования; формулировками рабочих гипотез для дальнейших эмпирических исследований и их теоретического обобщения. Используются историко-генетический и проблемный подходы; общелогические методы и приемы: системный подход, обобщение, методы анализа и синтеза. Проводится сопоставление отдельных концепций в области экономики развития с эмпирическими исследованиями. Установлено, что замедление темпов экономической динамики СССР обусловило смещение фокусировки теоретиков экономики развития от макроэкономического моделирования факторов производства к анализу особенностей институциональной среды. Взгляд на централизованное планирование как на ключевой инструмент преодоления «ловушек отсталости» («провалы рынка») вытеснялся пониманием связанных с ним транзакционных издержек («провалы государства»). Указывается, какие важные вопросы взаимодействия институтов научного знания и государственного управления экономикой в СССР остались без углубленного рассмотрения. Сделан вывод, что изучение эмпирического материала об институтах советского планирования, с применением теоретико-методологического инструментария экономики развития, обогащённой концептами институциональной экономики, будет способствовать формированию новой теории планирования национальной и региональной экономики в парадигме школы постсоветского институционализма.

Ключевые слова: централизованная экономика, догоняющее развитие, СССР, экономическая политика, институциональные ловушки, провалы рынка, провалы государства, история экономической мысли.

Введение

Актуальность темы статьи определяется формированием системы стратегического планирования экономики¹, в соответствии с законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ. С позиций институциональной экономики данную систему можно определить как набор институтов, обеспечивающих взаимодействие политико-экономических субъектов для реализации комплекса мероприятий по определению долгосрочных (во взаимоувязке с кратко- и среднесрочными) приоритетов, целевых показателей, инструментов её государственного регулирования и управления государственной собственностью. Аналогичные системы действуют во многих странах с рыночной экономикой. При этом успешность начального этапа внедрения такой системы в РФ оценивается в научной литературе критически (см. напр., [1; 2; 3]). Из этого вытекает потребность в соот-

несении исторического опыта планирования в СССР с релевантными теоретическими и эмпирическими разработками.

О сохраняющейся актуальности опыта советского планирования свидетельствует выход третьего, переработанного издания учебника (по прошествии 25 лет после предыдущего) одного из крупнейших специалистов по данной проблеме М. Элмана². Значительный шаг в теоретико-методологическом осмыслении опыта различных типов планирования, в контексте задач экономической политики для стран со средним³ и высоким⁴ уровнем доходов, был сделан в коллективной монографии под редакцией М. Юллек⁵. Другая монография под редакцией А. Амсден и коллег⁶ стала крупной попыткой

² Ellman M. *Socialist Planning*. 3rd ed. Cambridge (U.K.): Cambridge University Press, 2014.

³ Турция, Китай, ЮАР.

⁴ Япония, Южная Корея, Израиль, Ирландия.

⁵ Yülek M.A. (Ed.). *Economic Planning and Industrial Policy in the Globalizing Economy: Concepts, Experience and Prospects*. Springer International Publishing Switzerland, 2015. Наибольшей информативностью в ней выделяется статья М. Бабакан [4].

⁶ Amsden A.H., DiCaprio A., Robinson J. A. (Eds.). *The Role of Elites in Economic Development*. Oxford University Press, 2012.

¹ Помимо экономики, государственное стратегическое планирование включает социальную сферу и обеспечение национальной безопасности; относится к территориальным единицам разных уровней (Российская Федерация, субъект федерации, муниципальное образование), отраслям экономики, но непосредственно не затрагивает уровень предприятий (фирм).

непосредственно рассмотреть проблему взаимоотношений политической элиты и научного сообщества с теоретических позиций экономики развития. В отечественной литературе примеры работы институтов догоняющего развития национальных экономик рассматривались, в частности, В.М. Полтеровичем [5], которым предложены рекомендации в области политики интерактивного планирования.

Тем не менее сама постановка научной проблемы – актуализации теоретического осмысления советского опыта централизованного планирования в свете экономики развития (далее – ЭР) и в контексте формирования системы стратегического планирования в экономике РФ – обладает значительной новизной. С этой точки зрения в работе представлено оригинальное понимание тенденций эволюции экономики развития, в её взаимодействии с другими научными направлениями. Кроме того, научная новизна представлена постановкой автором методологических вопросов в контексте его интерпретаций содержания исследований, изучавших советский опыт централизованного планирования в свете экономики развития и связанных с ней научных направлений; формулировками рабочих гипотез, предлагающих направления для дальнейших эмпирических исследований и их теоретического обобщения.

Соответственно, целью настоящей статьи является расширение теоретико-методологической базы и инструментария новой институциональной экономической истории для изучения эмпирического материала об институциональных практиках централизованного планирования в СССР с точки зрения потребностей системы стратегического планирования экономики РФ.

Указанная цель определяет следующие задачи:

1. Систематизировать теоретико-методологический инструментарий, который был разработан и апробирован в трудах представителей ЭР на разных этапах ее эволюции (с 1940-х гг. по настоящее время), а также в связанных с ней направлениях научной литературы.

2. На основе критического анализа отдельных теоретических и эмпирических работ показать их место в развитии исследований планирования экономики в СССР.

3. Продемонстрировать сферы взаимодействия теоретических концепций экономики развития и институциональной экономики с эмпирическими исследованиями экономики в СССР.

4. Определить факторы, которые повлияли на изменение оценок советского опыта.

5. Установить, какие аспекты проблематики институциональных взаимодействий субъектов планирования остались в тени дискурса ЭР.

6. Сформулировать рабочие гипотезы для дальнейших исследований научной проблемы институциональных взаимодействий представителей науки и государственного управления экономикой в СССР.

Предметом исследования является теоретико-методологический инструментарий экономики развития и институциональной экономики, посредством которого осуществлялось изучение практик советского планирования в анализируемых направлениях научной литературы. Этот инструментарий включает в себя набор понятий, концепций, моделей, основных подходов к определению целей социально-экономического развития.

Для решения поставленных задач исследования использованы историко-генетический и, в меньшей степени, проблемный подходы; а также общелогические методы и приемы: системный подход, обобщение, метод анализа и синтеза. Одновременно проводится сопоставление отдельных теорий в области ЭР с эмпирическими исследованиями (научные работы в области экономической советологии, экономической истории).

Статья состоит из введения, трёх разделов и заключения. В первом разделе «*Экономика развития как научное направление*» обосновывается, почему структура и инструментарий ЭР наиболее релевантны задачам изучения практик советского централизованного планирования. Во втором разделе «*Эволюция оценок советского опыта централизованного планирования*» показывается изменение места, которое занимал анализ советского опыта централизованного планирования в проблематике ЭР и связанных с ней направлений литературы. В третьем разделе «*Экономика развития как исследовательская программа в контексте политики догоняющей модернизации*» непосредствен-

но обсуждается применимость рассмотренного теоретико-методологического инструментария для анализа исторического опыта развития экономики СССР в свете определения стратегических приоритетов государственной политики по развитию экономики РФ. В заключении представлены основные результаты, кратко сформулированы рабочие гипотезы для дальнейших исследований.

1. Экономика развития как научное направление

Преобладающее неоклассическое направление экономической мысли (*mainstream*, к которому примыкает и неоинституционализм) не может рассматривать долгосрочное планирование национальной экономики как целесообразный и эффективный инструмент структурной политики государства в силу соответствующей аксиоматики *laissez-fair* (пассивность государства в экономике). Неоинституционализм, также основанный на принципе методологического индивидуализма, признаёт необходимость государственного вмешательства лишь в сфере установления правил экономической деятельности и принуждения к исполнению контрактов.

В то же время планирование, как масштабная технология государственного управления экономикой территории, может получать легитимацию в теоретических конструкциях ЭР. Это научное направление, в свою очередь, изучает закономерности трансформаций эко-

номических систем как управляемого динамического процесса, с фокусировкой на проблематике качественных изменений. Объектами анализа, как правило, выступают территориальные экономические системы разного уровня (населённый пункт, регион, страна, географическая группа стран, мир в целом), но в большинстве случаев речь идет о национальной экономике. Обычно представители ЭР исходят из недостаточности рыночных механизмов для выхода из институциональных ловушек и неэффективных равновесных состояний. Тем самым обосновывается необходимость активной и проактивной государственной политики для преодоления социально-экономического отставания.

ЭР рассматривается нами как составляющая междисциплинарной модернизационной парадигмы, оформившейся в 1950-е гг. В данной парадигме, как в неоклассике и в марксизме, обосновываются общестрановые закономерности перехода от преимущественно аграрного натурального хозяйства к экономике с доминирующим промышленным сектором, но признаётся специфичность форм протекания внутривосточных процессов. Системный подход к структурным и социальным аспектам экономической динамики, к связанной с ними государственной экономической политике сохранялся на протяжении восьми десятилетий эволюции рассматриваемого направления (*таблица*).

Эволюция дискурса экономики развития

Этап	1940-е – конец 1970-х	Конец 1970-х –1990-е	2000-е – 2010-е
Характеристика парадигмы	Структуралистская	Неолиберальная	Неоструктуралистская
Основные подходы	Неокейнсианская макроэкономика, с акцентом на «провалах рынка» и ускоренном накоплении капитала (прежде всего, физического)	Апелляция к рыночным механизмам и роли либеральных институтов, с акцентом на «провалах государства», в условиях усиления влияния неоклассических теорий	Защита активной государственной политики стимулирования при соблюдении прорыночных принципов открытости и конкурентности экономики
Приоритетные страны-объекты анализа	Восточная Европа, СССР, Япония, Латинская Америка	Восточная Азия, Латинская Америка	Китай, Индия, страны со средним уровнем дохода, Япония

Окончание таблицы

Этап	1940-е – конец 1970-х	Конец 1970-х –1990-е	2000-е – 2010-е
Концепции, модели и крупнейшие представители	Модель большого толчка (П. Розенштейн-Родан), модель несбалансированного роста (А. Хиршман), концепция стадий роста (В. Росту), теория современного экономического роста (С. Кузнец), гипотеза о связи неравенства доходов и уровня развития («кривая Кузнеца»), теория дуалистической экономики (В. Льюис, Г. Ранис), теория порочного круга бедности (Х. Лебенстайн, Р. Нурксе), теории преимуществ отсталости и большого рывка (А. Гершенкрон), теория экономической зависимости (Р. Пребиш, С. Фуртаду), модель заимствования и диффузии новых технологий (Р. Нельсон, Э. Фелпс), модели планирования макроэкономической политики (Я. Тинберген, Р. Фриш)	Модели эндогенного (Р. Лукас, П. Ромер) и экзогенного роста, гипотеза о связи экологии и уровня развития («экологическая кривая Кузнеца», Дж. Гроссман, А. Крюгер), теория государства развития (Ч. Джонсон), концепция «ресурсного проклятия» (А. Гелб, Р. Оти). Альтернатива мейнстриму: концепция человеческого развития (А. Сен, М. уль-Хак)	Модель инновационного роста на основе «творческого разрушения» (Ф. Агион, П. Ховитт), теория новой структурной экономики (Дж.Й. Лин), теория экстрактивных и инклюзивных институтов (Д. Аджемоглу, Дж. Робинсон), универсальная теория роста (О. Гэлор), концепция ловушки среднего дохода (И. Джил, Х. Харас, Б. Эйхенгрин), концепция преждевременной деиндустриализации (Д. Родрик)
Влияния близких направлений экономической науки	Неокейнсианство (Р. Хэррод, Е. Домар), российский марксизм (Е.А. Преображенский, Г.А. Фельдман), европейский марксизм (К. Мандельбаум (Мартин); М. Добб, М. Калецкий), теория человеческого капитала (Т. Шульц, Г. Беккер)	Неоинституционализм (Д. Норт, Дж. Бьюкенен, М. Олсон), неоклассический мейнстрим (Г. Мэнкью, Д. Ромер, Д. Вейл), транзитология, теория человеческого капитала (Т. Шульц, Г. Беккер)	Неошумпетерианство (Ф. Агион, П. Ховитт), политическая экономика (Д. Аджемоглу, Дж. Робинсон), неоинституционализм, теория человеческого капитала (Г. Беккер), посткейнсианство (Дж. Стиглиц)
Цели развития	Увеличение ВВП на душу населения, обеспечение максимальной занятости, изменение структуры экономики в сторону обрабатывающей промышленности	Увеличение ВВП на душу населения, удовлетворение базовых потребностей, сокращение бедности, устойчивое развитие. Альтернатива: расширение пространства выбора, реализация человеческого потенциала	Устойчивое развитие, повышение качества жизни, сокращение неравенства, искоренение абсолютной бедности
Политические стратегии	Индустриализация, импортозамещение, выравнивание доходов, планирование развития, интервенционистская политика в области ценообразования, директивные методы управления	Финансовая стабилизация, приватизация, открытость экономики, промышленная политика	Глобализация, реализация сравнительных преимуществ, зелёная экономика, финансовое развитие, улучшение институциональной среды, планирование национальной и региональной экономики
Источники: составлено по: Chenery H., Srinivasan T.N. (Eds.). Handbook of Development Economics. Vol. 1. North-Holland: Elsevier BV, 1988; Chenery H., Srinivasan T.N. (Eds.). Handbook of Development Economics. Vol. 2. North-Holland: Elsevier BV, 1989; Behrman J., Srinivasan T.N. (Eds.). Handbook of Development Economics. Vol. 3A. North-Holland: Elsevier BV, 1995; Behrman J., Srinivasan T.N. (Eds.). Handbook of Development Economics. Vol. 3B. North-Holland: Elsevier BV, 1995; Schultz T.P., Strauss J. (Eds.). Handbook of Development Economics. Vol. 4. North-Holland: Elsevier BV, 2008; Rodrik D., Rosenzweig M.R. (Eds.). Handbook of Development Economics. Vol. 5. North-Holland: Elsevier BV, 2009; Yülek M.A. (Ed.). Economic Planning and Industrial Policy in the Globalizing Economy: Concepts, Experience and Prospects. Springer International Publishing Switzerland, 2015; Yülek M.A. (Ed.). Industrial Policy and Sustainable Growth. Springer Nature Singapore Pte Ltd. 2018.			

При формировании своих теоретических основ, ЭР, как альтернатива классической экономике, использовала идеи и подходы неокейнсианства (активное государственное регулирование) и марксизма (проактивная роль государства в системной трансформации). В ходе дальнейшей эволюции она оказалась довольно восприимчивой к позитивным идеям со стороны других направлений экономической науки (теория человеческого капитала, неинституционализм, неошумперианство). В последнее время она проявляет признаки активизации исследований в поиске ответов на актуальные вопросы глобальной повестки. Всё это сформировало теоретико-методологический инструментарий, релевантный для изучения трансформирующихся обществ.

При этом важно не переоценивать степень готовности ответов на запросы со стороны экономической политики, поскольку предсказания теоретиков ЭР далеко не всегда находили подтверждение [6, р. 43]. Примеры успешного догоняющего развития статистически немногочис-

ленны и концентрируются преимущественно в Восточной Азии. Но это, как правило, крупные страны, экономика которых получала благоприятный эффект масштаба и, в свою очередь, оказывала значительное влияние на другие. А значит – данную теорию следует признать во многом «работающей» и применимой к изучению отечественного эмпирического материала в долгосрочной историко-экономической динамике.

2. Эволюция оценок советского опыта централизованного планирования

Экономика развития, экономическая советология и переходная экономика (транзитология) рассматривались М. Элманом как отдельные научные направления, порождённые функционированием разных институциональных систем [7]. Но им же был поставлен вопрос об их общем вкладе в современную экономическую теорию. В поиске адекватного теоретико-методологического инструментария для анализа планируемых экономик нас интересуют сферы взаимодействия основных направлений научной литературы (рисунок).

Взаимодействия направлений научной литературы в оценке советского опыта планирования

Некоторые исследователи предпочитали определять советскую модель как «административную» [8; 9] или «централизованно управляемую» [10], в противоположность или в дополнение к «плановой». Это подчёркивает инструментальность, а не субстанциальность планирования национальной экономики, которое может применяться в различных институциональных системах.

В дискурсе ЭР стратегию планирования в СССР рассматривал британский советолог российского происхождения А. Ноув [11, р. 379-383]. Причём к планам развития, которые являлись основой инвестиционных программ, он относил среднесрочные и перспективные планы (15 лет и более) [11, р. 17-18]. В этом он видел их отличие от оперативных (годовых и квартальных), с помощью которых осуществлялось директивное управление производственными единицами. Кроме того, А. Ноув признавал мотивирующее значение планов [11, р. 26].

В контексте особой стратегии экономического развития планирование в СССР также рассматривали Р. Кэмпбелл [9, р. 141-169] и А. Эрлих [12]. Высоко оценивая мобилизационную способность советских институтов, Р. Кэмпбелл указывал на их слабость в эффективном использовании ресурсов [9, р. 141]. А. Эрлих также отмечал, что экономика росла темпами ниже потенциальных, так как стратегия её развития была избыточно ориентирована на увеличение капиталоемкости [12, р. 259-268].

В то же время М. Элман в 1973 г. указывал на рациональность директивного (а не индикативного) планирования в экономике СССР 1930-х гг. По его мысли, экономическая система, стремящаяся быстро преодолеть отставание в условиях внешней военной угрозы и сбоя в функционировании рыночных механизмов, склонна прибегать к мобилизационным методам [8, р. 172]. Эта позиция разделялась отдельными представителями как ЭР [13], так и экономической советологии [11, р. 142]. Об определяющем значении военного фактора позднее писали М. Элман [14, р. 219-220, 227; 7, р. 7-8], В. Конторович и В. Вейн [15], М. Харрисон [16].

При этом в советологической литературе конца 1960-х — начала 1970-х гг. признавался желательным и возможным постепенный пере-

ход к индикативному планированию, первоначально в направлении «децентрализации», «рыночного социализма» Венгрии и Югославии, с использованием методик «оптимального планирования» [8, р. 143-150, 187, 180-194; 9, р. 39-40, 137-140, 201-240; 11, р. 38-47, 390]. Но при всём осознании комплексности связанных с таким переходом проблем его теоретические аспекты и практические технологии системно не разрабатывались.

Таким образом, в парадигме ЭР централизованное планирование может рассматриваться как ключевой инструмент реализации стратегий догоняющего развития отдельных стран, средство преодоления институциональных «ловушек отсталости» в условиях повышения уровня внешних угроз⁷. Оно предполагает сосредоточение ограниченных ресурсов в едином центре, уполномоченном принимать решения об их распределении, в целях сокращения транзакционных издержек, связанных с конфликтами интересов, конкуренцией и неполнотой информации у множества экономических агентов.

В основе директивного планирования национальной экономики лежит сочетание кратко-, средне- и долгосрочных целевых показателей развития конкретного общества, полученных научными, по убеждению его адептов, методами. Но и в СССР, и в других странах с повышенной ролью государства в экономике субъекты планирования не всегда эффективно взаимодействовали, что приводило к «провалам государства» в экономической политике⁸.

В этом отношении представляет интерес попытка внедрения методов балансовых расчетов на основе таблиц «затраты-выпуск», линейного программирования и оптимизационных моделей в процесс подготовки планов. Обозначившаяся в конце 1950-х — начале 1960-х гг. поддержка представителей экономико-математического направления (возникшего в 1930-е гг.) со стороны советского руководства ограничивалась технической стороной. При этом вызывали сопротивление предло-

⁷ Данная идея в дискурсе линейной модернизации была выражена В. Ростом [17, с. 230-232].

⁸ Теоретический анализ механизмов выработки экономической политики и взаимодействия её субъектов предложен С.А. Афонцевым [18].

жения учёных установить обязательные правила принятия решений, которые бы ограничивали сферы полномочий заинтересованных ведомств [8, р. 79, 178-186; 11, р. 47, 324-328, 390].

В свою очередь, представители данного направления исходили из технократического понимания процесса принятия политических решений, которое не учитывало наличие целей, лежащих за пределами собственно экономики. В частности, таких социально важных, как обеспечение полной занятости и выравнивание доходов. Принципиально важным ограничителем являлась целостность советской версии социалистической идеологии, легитимировавшей использование властных ресурсов политической элитой СССР.

Обсуждение в советологической литературе примеров применения новых математических методов в планировании продемонстрировало связи данной проблематики с дискурсом ЭР. Особенно ярко это выразилось в контексте её сопоставления с основными экономическими теориями: неокейнсианской (межотраслевые взаимодействия и совокупный рост), марксистской (социальные и политические факторы распределения) и неоклассической (равновесие и эффективная аллокация ресурсов) [8, р. 179-180].

Следует отметить, что при всей ограниченности технических средств составления планов, их внутренней несбалансированности, институциональных проблемах взаимодействия субъектов планирования развитие советской системы до начала 1960-х гг. в основном соответствовало её собственным структурным приоритетам и критериям эффективности. Даже при том, что они не всегда операционализировались в текущих планах [11] и выполнялись не в той мере, в какой были определены политическими установками [8; 11]. Важнейшим фактором в литературе конца 1960-х — начала 1970-х гг. признавалось наличие сильных государственных институтов, обеспечивавших реализацию планов.

По мере замедления темпов роста советской экономики в 1970-е гг. и углубления структурного кризиса в 1980-е гг., усилилась другая линия советологии, идущая от Н. Ясного [19] и

А. Бергсона⁹ [20]. Эта линия акцентировала недостатки институтов советского планирования и опиралась на теоретический арсенал неинституционализма и неоклассики.

Для изучения практик централизованного планирования в СССР П. Грегори и М. Харрисон применяли инструментарий неинституциональной теории. П. Грегори противопоставлял плановиков (аппаратчиков) хозяйственникам [21]. К основным функциям первых относились установление правил и мониторинг, вторых — заключение контрактов в отношении распределения ресурсов, с соответствующими рисками и ответственностью за результаты. Причем П. Грегори даже не выделял научную элиту как отдельный субъект процесса планирования¹⁰, отрицая какую-либо научность подходов при составлении планов.

В другой работе, основанной на сведениях из открывшихся в 1990-е гг. архивов, П. Грегори показал, как вместо вертикальной субординации осуществлялись лоббирование и административный торг на разных уровнях сталинской экономики¹¹ [23].

Вслед за Я. Корнаи [27, с. 137-156], П. Грегори [21, р. 15-19, 47-49; 23, с. 22-23, 182-184, 317-322] и М. Харрисон [16, р. 305-323, 353-357] объясняли данные явления наличием конфликта интересов между принципалом (представляющим национальную экономику) и его агентами (представителями отраслей и регионов). М. Харрисон указывал на тенденцию возрастания трансакционных издержек информацион-

⁹ А. Бергсон пытался найти внутреннюю логику экономических решений в контексте целеполагания и механизмов функционирования социалистической системы.

¹⁰ Как это делали историки экономической мысли, например П. Сутела [22, р. 26-48]. В данной работе отмечен вклад ранней советской экономической мысли в формирование основ экономики развития, экономики планирования, математической экономики и очерчены дальнейшие пути сложного взаимодействия экономической науки с «инженерным» подходом к планированию со стороны государственных структур.

¹¹ Эти явления в литературе отнесены к существенным характеристикам экономики позднего советского периода в концепции административного рынка (экономика согласований, экономика иерархического торга), которая описывает процессы обмена властных ресурсов на хозяйственные [24; 25; 26]. В свою очередь, данная концепция разрабатывалась посредством адаптации инструментария неинституциональной теории общественного выбора.

ного мониторинга и принуждения агентов [16, р. 391-392, 412-413].

В экономической литературе 1980-х — 1990-х гг. также доминировали довольно критические оценки в отношении развития советской системы. Опыт догоняющего развития посредством централизации планирования и управления экономикой получил минимальные позитивные оценки и в выходящих с конца 1980-х гг. обобщающих трудах по ЭР.¹² В русле мейн-стрима транзитологии содержание дальнейшего развития социалистических стран осмысливалось как отказ от плановых в пользу рыночных механизмов регулирования. При этом обсуждению подвергались отраслевые приоритеты, границы введения свободного ценообразования и приватизации собственности.

Анализируя причины резкого замедления советской экономики, Г. Офер [13] указывал на специфику её стратегии развития. Она заключалась в максимальном накоплении физического капитала, с предпочтением нового строительства вместо реконструкции, из чего следовала низкая эластичность замещения факторов производства. Также он останавливался на институциональных проблемах, связанных с негибкостью экономической системы, слабой заинтересованностью предприятий во внедрении достижений науки и организационных инноваций.

В. Истерли и С. Фишер [28] опирались на идею Г. Офера [13] о низкой эластичности замещения факторов производства в СССР, что стало фатальной слабостью экстенсивной стратегии развития на поздних стадиях. Как следствие, рост экономики СССР оказался хуже, чем в референтных странах (прежде всего, в Восточной Азии в 1950—1980-е гг.), а также отличался низкой эффективностью в сопоставлении с приростом факторов производства (физического и человеческого капитала¹³). Однако обобщающий вывод о негативном воздействии планирования на темпы роста оставлял без ответа вопрос, почему в СССР они были высокими на ранней стадии развития.

¹² См. источники составления таблицы (раздел 1).

¹³ В этой этапной работе впервые для анализа советского экономического роста были использованы показатели человеческого капитала в натуральных единицах: охват средним образованием, доля специалистов с высшим образованием в общей численности населения.

С 2000-х гг. приходит время для некоторой ревизии пессимистических оценок советского планирования. Так, Р. Аллен [29] сравнительно высоко оценивал достижения СССР в 1930-е гг. (реализация моделей «большого толчка» [30], «подъема» [17] и «большого рывка» [31]). Эти оценки не стали консенсусными, однако данная работа вызвала сильный резонанс в историко-экономической литературе, и ряд её аргументов был принят оппонировавшими исследователями.

Подводя итог обсуждению вопроса о темпах экономического роста, М. Элман [14, с. 227] признавал, что, хотя советский рывок не был «выдающимся» по мировым стандартам, он определенно выделялся на фоне посредственных результатов Африки, Латинской Америки и Индии между 1928 и 1989 гг.

А. Черёмухин и соавторы отметили, что в ранний советский период значительно понизился уровень институциональных барьеров межсекторальной мобильности факторов производства [32, р. 27-28].

С позиций ЭР были сделаны попытки поновому ответить на вопрос, почему в позднем СССР произошло резкое замедление темпов экономического роста и ухудшение качества его структуры. По мнению Р. Аллена [29, с. 259-272], руководством страны были выбраны ошибочные стратегии развития экономики, в итоге сблизившие её структуру со странами «третьего мира».

В.В. Попов [33] исходил из положения, что плановая система имеет свой жизненный цикл, определяемый сроками службы основных фондов (20—30 лет) и моментом резкого увеличения нормы накопления. Развивая мысль Г. Офера [13] о низкой эластичности замещения труда физическим капиталом, В.В. Попов обосновывал, что ключевым фактором замедления темпов роста в 1960—1980-е гг. выступала незаинтересованность производителей в своевременной замене устаревающего оборудования¹⁴. Также он делал акцент на прогрессирувавшем ослаблении институционального потенциала государства в позднем СССР (по сравнению с Ки-

¹⁴ Ход мысли противоположный тому, что Р. Аллен [29, с. 261-265] писал о предпочтении плановиков осуществлять реконструкцию действующих предприятий, которая оказалась экономически менее эффективной, чем закрытие устаревших и запуск новых.

таем в 1950–1970-х гг.), что определило неудачу постепенного пути реформирования экономики [34, с. 25-33, 310-316; 35, р. 104-114].

По мнению Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона [36], в условиях укрепления «экстрактивных» институтов государственного принуждения, централизованного планирования и мобилизационной экономики, даже в лучшие периоды, темпы роста были ниже возможных. А главное – они не могли быть устойчивыми с исчерпанием избыточной рабочей силы в низкопроизводительном аграрном секторе, нарастающего рентоискательства политической элиты и слабых стимулов к распространению инноваций. Но эти авторы оставляли без ответа вопрос, почему в условиях преимущественно нелиберальных институтов Южной Кореи, Китая, другим азиатским странам на протяжении длительного времени удавалось поддерживать сравнительно высокие темпы роста и своевременно адаптировать свои институты в направлении «инклюзивности».

Российские экономисты институциональной школы Е.В. Балацкий и Н.М. Плискевич [37], критикуя монокаузальный подход авторов [36], справедливо указали на недооценку ими фактора социальной мобильности, как и наличия в раннем СССР «смешанного» институционального режима.

С другой стороны, основной тезис Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона [36] на материале истории развития российской науки проиллюстрировал Л. Грэхэм [38]. Ему удалось систематизировать фактический материал, показывающий приверженность вековой траектории развития России догоняющей (а не инновационной) модели, при которой определяющим фактором научно-технологического развития выступала заинтересованность государственных институтов в обеспечении безопасности. Эти же институты блокировали коммерческое распространение и использование передовых научных достижений.

Таким образом, советский опыт являлся одним из крупных исторических примеров, заложивших основы ЭР. Его анализ в этой парадигме шел во взаимодействии теоретической мысли и эмпирических работ. Но его значимость для ЭР снижалась по мере замедления экономики СССР, нарастания институциональ-

ных проблем взаимодействия её субъектов и последующего распада страны. К этому добавились преимущественно неудачные результаты трансплантации советских экономических институтов в других странах. В этих условиях активизировалось взаимодействие ЭР с другими направлениями экономической науки, и в первую очередь с неоклассикой и неонституционализмом.

В работах отдельных советологов (прежде всего М. Элмана) учёные-экономисты были выделены как отдельный субъект, претендовавший на активную роль в принятии плановых решений. Однако уже М. Элман отметил признаки технократического понимания ими экономической рациональности.

Оживившийся в последние годы интерес представителей ЭР к советскому опыту характеризуется активизацией дискуссий относительно роли институтов, обеспечивших быструю структурную трансформацию СССР и его победу в Великой Отечественной войне, но одновременно способствовавших замедлению роста и развороту ряда социально значимых индикаторов в 1960–1980-е гг.

3. Экономика развития как исследовательская программа в контексте политики догоняющей модернизации

Вполне закономерно, что непосредственно связанная с ЭР модернизационная повестка имеет тенденцию актуализироваться в политическом дискурсе и в России [39], и в других странах догоняющего развития [40]. В этой связи важно найти адекватное позиционирование этой повестки в сравнительно-историческом контексте. Россия – это страна, осуществившая в советский период переход к индустриальному обществу, но сохраняющая долгосрочное отставание от мировой «технологической границы». Россия достигла высоких показателей измеряемого в натуральных единицах количества (но не качества и стоимости) человеческого капитала [41, с. 266-277; 42, с. 38-50]. Несмотря на попытки импорта ряда институтов постиндустриального общества, состояние институциональной среды консенсусно оценивается как слабое. Одновременно, в условиях сверхвысокой эффективности отраслей добывающего сектора, Россия продолжает подвергаться рискам преждевре-

менной деиндустриализации¹⁵ вследствие низкой конкурентоспособности отраслей обрабатывающей промышленности.

В этом отношении сохраняется пространство для совершенствования теоретической парадигмы ЭР посредством использования инструментария новой институциональной экономической истории. Её ключевые концепты рассмотрены на отечественном материале Р.М. Нуреевым и Ю.В. Латовым [44, с. 17–19]. Среди них важное место занимают такие понятия, как «конкуренция» институтов и их «отбор» как результат. Другие примеры соответствующего эмпирического анализа [45, р. 75–78] также свидетельствуют о наличии значительно потенциала для ЭР.

Д. Аджемоглу, Ф. Агион и Ф. Зилиботти [46] обосновали закономерность, вытекающую из типологических отличий социально-экономического развития «относительно отставших» стран, установленных А. Гершенкроном [31]. Из их теоретической модели следует: чем дальше находится национальная экономика от мировой «технологической границы», тем в большей степени её мезоэкономическим субъектам выгодно придерживаться стратегий, характерных для догоняющего развития, то есть заимствовать технологии, используя политические институты, стимулирующие накопление капиталов, но ограничивающие конкуренцию.

Эта закономерность во многом подтверждается траекториями экономического развития СССР и других социалистических стран. Так, в отношении СССР в 1930–1950-е гг. отмечалось сокращение отставания, с последующей его стабилизацией в 1960–1980-е гг. В 1950–1980-е гг. наблюдалась умеренная конвергенция стран Юго-Восточной Европы и дивергенция наиболее развитых стран Центральной Европы со странами Запада [47; 48].

В свою очередь, потенциал экономической системы к эффективному заимствованию технологий и институтов выражает понятие «абсорбционная способность» (в отличие от «инновационной»), в отечественной литературе разработанное В.М. Полтеровичем [5, с. 42, 47]. Это многоаспектное понятие, которое включает в себя также эффективное взаимодействие заинтересованных социальных групп.

¹⁵ Её факторы и механизм в среднеразвитых странах проанализированы Д. Родриком [43].

Ключевое значение для анализа советского опыта имеет разделение понятий «результативность» и «эффективность». Согласно ГОСТ ISO 9000-2011 (п. 3.2.14, п. 3.2.15), результативность определяется как «степень реализации запланированной деятельности и достижения запланированных результатов», а эффективность — как «связь между достигнутым результатом и использованными ресурсами»¹⁶. Близкое понимание приводится В.Н. Лексиним и Б.Н. Порфирьевым, которые уточняют, что результативность может иметь как количественное, так и конкретное качественное выражение, в то время как эффективность — только количественное [49, с. 84–85]. При этом в нормативных документах и в практике оценки реализации государственных программ РФ понятие «результативность» фактически рассматривается как компонент достаточно широкого понятия «эффективность» [49, с. 83; 50, с. 80].

Следует отметить, что приведенное выше понимание результативности имеет смысл только в случае наличия плана. Однако результат той или иной деятельности может сравниваться не только с запланированным, но и с фактически достигнутым конкурирующими экономическими субъектами. Для национальной экономики соответствующими показателями могут быть объем выпуска ключевых инвестиционных товаров, уровень энергоёмкости экономики, обеспеченность критическими технологиями.

Из общеизвестных фактов и приводимых в литературе количественных оценок (см. раздел 2) следует, что централизованно управляемые экономические системы, основанные на внеэкономическом принуждении, могут показывать положительную результативность (например, в бинарной оппозиции «есть» или «нет»), но низкие уровни эффективности («... нужна одна Победа, ... за ценой не постоим»).

При этом важно понимание того, что конкретно-исторические целевые параметры и критерии эффективности задаются приоритетами политических элит на разных этапах общественного развития. Наличие или отсутствие консенсуса в этом вопросе с научными элитами является важным фактором их взаимодействия.

¹⁶ ГОСТ ISO 9000-2011. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь. Введен в действие Приказом Росстандарта от 22.12.2011 № 1574-ст. М.: Стандартинформ, 2012. С. 12.

Так, целевым параметром планирования для страны догоняющего развития является его скорость, которая сталинским политическим руководством рассматривалась в качестве основного критерия эффективности. Данный вопрос в контексте общей стратегии экономического развития СССР рассмотрен Г. Офером; применительно к накоплению человеческого капитала – Д.В. Диденко. Связанная с данным параметром высокая норма межвременного предпочтения являлась причиной неустойчивости экономического роста (текущие темпы предпочтительнее будущих) [13, р. 1798-1901] и пониженной эффективности с точки зрения отношения социально значимых результатов к дополнительным затратам [41, с. 308].

В экономике догоняющего развития выборочный импорт институтов (главным образом по линии государственных субъектов) также может усиливаться в целях сокращения отставания от наиболее экономически развитых стран. Однако укоренение институтов, эффективных для решения текущих и среднесрочных задач догоняющего развития, порождает институциональные ловушки, препятствующие росту по мере сокращения отставания.

Принципиально важным вопросом в дискуссии о роли советских институтов является следующий: почему СССР, отходя от мобилизационных практик индустриализации во второй половине 1950-х гг., не стал своевременно и поэтапно переходить от директивного планирования к рыночной экономике и не предвосхитил более эффективную институциональную траекторию Китая?

Среди концептов, способных дать на него ответ, следует обратить внимание на так называемый «эффект колеи» (path dependence), намеченный в работах П. Дэвида [51], Б. Артура [52], интегрированный в новую институциональную экономическую историю Д. Нортон [53] и актуализированный Р.М. Нуреевым и Ю.В. Латовым [47, с. 11-14]. С этих позиций сохранение менее эффективных институтов объясняется чрезмерно высокими транзакционными издержками их замены, а также различием межвременных предпочтений экономических субъектов.

Ряд важных вопросов взаимодействия институтов науки и государственного управления

экономикой в СССР остались без углублённого рассмотрения. В частности, важный, на наш взгляд, тезис о снижении эффективности институтов в позднем СССР требует дополнительных подтверждений по линии институциональных взаимодействий науки и государственной власти.

Более крупный вопрос заключается в том, какие институты централизованного планирования и управления экономикой могли бы оказаться работоспособными в условиях современной России. Он требует отдельного предметного рассмотрения. В качестве рабочей гипотезы можно предполагать, что в развитии бюджетной системы России приемлемую работоспособность проявляет программно-целевой подход, реализуемый в федеральных целевых программах (ФЦП), региональных программах территориального развития, а также в комплексных государственных программах. Их прототипом периода позднего СССР являются, например, комплексные программы научно-технического прогресса¹⁷. Также положительный потенциал видится в совмещении отраслевого и территориального разрезов планирования в стратегиях развития макрорегионов¹⁸. Работоспособным (даже при неполном выполнении) может стать среднесрочное планирование на основе целей развития, регулярно утверждаемых высшим органом власти, обладающим повышенной легитимностью¹⁹.

Важным направлением выступает также интеграция процессов макроэкономического и бюджетного планирования. В СССР (с кон-

¹⁷ С начала 1970-х гг. такие программы разрабатывались с периодичностью в 5 лет и горизонтом сценариев 15–20 лет. См., напр.: Комплексная программа научно-технического прогресса СССР на 1991–2010 годы. <https://ecfor.ru/publication/kompleksnaya-programma-nauchno-technicheskogo-progressa-sssr/>.

¹⁸ Реализовано в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-п): <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf>.

¹⁹ Попыткой актуализировать советский опыт планирования по пятилеткам стали Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (<http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201805070038.pdf>), а 6-ю годами ранее – 11 указов от 7 мая 2012 г.

ца 1920-х гг.) краеугольным камнем процесса распределения ресурсов являлся план капитальных вложений (а не производственный план), в котором выражались фактические приоритеты плановиков [23, с. 152-158, 103-104, 144, 313-314]. То есть планирование выступало важнейшим инструментом государственной инвестиционной политики, которая в настоящее время должна включать расходы на формирование как физического, так и человеческого капиталов. При этом в сфере действия рыночной экономики структуры государственного управления не могут осуществлять директивные предписания в отношении результатов работы хозяйствующих субъектов и напрямую распределять основную часть ресурсов. В государственном секторе национальной экономики их усилия должны концентрироваться на эффективном управлении в качестве собственника ресурсов.

Эти вопросы выходят на ключевое условие совершенствования системы стратегического планирования в России – эффективное взаимодействие её социальных субъектов при наличии у них соответствующей мотивированности. При возрастании роли государства как субъекта инвестиционного процесса планирование может выступать важнейшим инструментом структурной промышленной политики, которая рационально определяется не только критериями экономической эффективности. При этом принципиально важная проблема «принципал – агент» (см. раздел 2) требует формирования институциональных механизмов для купирования её негативных проявлений. Приводимые в литературе положительные примеры других, референтных по отношению к России, стран (Бразилии [54], Китая [55]) демонстрируют условия, при которых элиты способны реализовывать политику развития. В свою очередь, аналогичные исследования на материале СССР могут скорректировать теоретические положения и концепции ЭР, в том числе в отношении критериев результативности и эффективности взаимодействия субъектов планирования.

Заключение

В данной статье исторический опыт планирования в СССР соотнесен с накопленными теоретическими и эмпирическими разработками, проведён критический анализ соответствующих

направлений научной литературы, поставлены вопросы методологического характера, определены возможные направления эмпирических исследований и совершенствования экономических теорий развития.

Автором определяются три этапа эволюции ЭР и их хронологические рамки; текущий этап характеризуется как неоструктуралистский, то есть актуализирующий парадигму ранней экономики развития с рецепцией концептов и подходов институциональной экономики²⁰. В этом отношении авторская периодизация отличается от имеющихся в работах по истории экономической мысли²¹. Кроме того, из теоретико-методологического инструментария ЭР автором выделяется перечень наиболее актуальных для современной России концепций, моделей социально-экономических трансформаций, что не встречалось в систематизированном виде в предшествующей литературе²².

Проведенный анализ научной литературы имеет следующие результаты в отношении ключевых тенденций эволюции ЭР:

- Методологически актуальное изучение исторического опыта планирования в СССР проходило во взаимодействии теоретических концепций экономики развития и институциональной экономики с эмпирическими исследованиями в области экономической истории, советологии и транзитологии.
- В парадигме ЭР, возникшей в качестве альтернативы классическим теориям, централизованное планирование экономики получало теоретическую легитимацию и рассматривалось как ключевой инструмент реализации догоняющих стратегий развития.

²⁰ Взаимодействия ЭР с институциональной экономикой и экономической историей отмечались в ряде работ, в частности С. Р. Хана [57, р. 61-63, 76-78], Р. Бойера [58], Н. Крафтса [59]. Но в известных нам трудах развитие дискурса ЭР рассматривалось преимущественно через оппозицию прорыночных и интервенционистских подходов.

²¹ В частности, от Э. Торбеке [56], где детальная характеристика преобладавшего дискурса ЭР приводится по десятилетиям. Хронологические границы выделяемых автором этапов эволюции также отличаются от монографии С. Р. Хана [57], в основу содержания которой положено противостояние девелопментализма и неолиберализма.

²² При том, что важные идеи по данному вопросу были высказаны в работах Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова [44], В.М. Полтеровича [5], В.В. Попова [34, 35].

- Замедление темпов экономической динамики СССР в 1970–1980-х гг. обусловило смещение фокусировки теоретиков ЭР от макроэкономического моделирования факторов производства к анализу особенностей институциональной среды.

- Последние десятилетия ознаменовались корректировкой и обновлением теоретических основ ЭР. Консенсусное признание получил приоритет рыночных методов регулирования экономики, по крайней мере, в условиях восходящей фазы конъюнктурного цикла.

- На разных этапах эволюции ЭР оказывалась восприимчивой к позитивным влияниям со стороны других направлений экономической науки (российский и европейский марксизм, неошумпетерианство, теория человеческого капитала, неоинституционализм).

- С начала 2010-х гг. в мировой научной литературе проявляются признаки усиления внимания к проблематике планирования на национальном и региональном уровнях, актуализации исторического опыта как в изучении отдельных примеров, так и в попытках теоретического анализа.

- Положено начало формированию новой теории планирования национальной и региональной экономики на основе методологической парадигмы ЭР. Эта парадигма обладает высоким эвристическим потенциалом для эмпирического анализа обществ, отставших в технологическом и институциональном развитии.

Ряд важных проблем для представителей ранней ЭР остался вне сферы исследовательского интереса, рефлексии и анализа:

- Накопление эмпирических данных в исследованиях западных советологов и экономических историков об особенностях экономического роста в СССР и институциональных проблемах, связанных с директивным характером планирования, не получило своевременной и глубокой теоретической оценки со стороны представителей ЭР, во многом в силу линейности их картины мира и фокусировки на ранних стадиях индустриализации.

- Теоретические конструкции и вытекающие из них политические рекомендации предполагали наличие адекватно функционирующих государственных институтов для реализации стратегии догоняющего развития, не предусматривались возможности их деградации.

- Слабо обозначалась проблема несовершенства социальной коммуникации представителей науки и государственной власти, как и наличия особых групповых интересов у разных субъектов планирования, которые имеют различные институциональные механизмы согласования.

- Недостаточно чётко были разработаны критерии успешности, результативности, эффективности взаимодействия институтов науки и государственного управления в сфере планирования экономики.

- Недостаточное внимание уделялось анализу институциональных причин, в силу которых взаимодействие между представителями науки и государственной власти в сфере планирования экономики оказывалось низко эффективным.

Новые направления исследований обозначают следующие рабочие гипотезы:

1. В позднесоветский период ухудшалась результативность и снижалась эффективность взаимодействия между институтами науки и государственного управления, что не позволило своевременно решить важные проблемы, связанные с особенностями развития в основном сформировавшегося индустриального общества.

2. Важное методологическое значение имеет проведение различий между политическим и экономическим типом рациональности, субъекты которых взаимодействуют на политических рынках с определенным уровнем транзакционных издержек [1; 18]. Согласно неоинституциональной теории общественного выбора, субъекты принятия политических решений могут в той или иной мере игнорировать научно обоснованные рекомендации, направленные на максимизацию общественного благосостояния, а проводимая ими экономическая политика не соответствовать критериям оптимальности. Примером такого политического рынка с неэффективным равновесием является взаимодействие между субъектами управления экономикой в период позднего СССР.

3. Важным фактором ухудшения социальной коммуникации в поздний советский период стало нарастающее различие дискурсов рассматриваемых субъектов планирования. Принципиально важным ограничителем со стороны государственной власти выступала це-

лостность официальной идеологии, легитимировавшей монополию на политическую власть, но все более терявшей общественное доверие. Её сочетание с особым рода технократизмом, выразившимся в завышенных ожиданиях от развития естественнонаучного знания [60, р. 39-40; 61, р. 247, 258-260, 287], не находило достаточного понимания со стороны представителей научного сообщества, претендовавших на интеллектуальное лидерство. Со стороны последнего препятствиями к эффективному взаимодействию служили как ценностно-рациональный идеократизм другого рода (предпочтение, например, ценностей «демократии», «социальной справедливости», «экономической рациональности»), так и другого рода технократический сциентизм (предпочтение «экономической рациональности», «математической оптимизации», идеологическим ограничениям). Представители научного сообщества довольно слабо понимали механизмы реализации своих

выводов и рекомендаций, основанных на ряде допущений, в политических и социальных действиях.

В настоящей работе обосновывается применение инструментария экономики развития, обогащенной концептами новой институциональной экономической истории, в качестве теоретико-методологической базы для изучения эмпирического материала об институциональных практиках централизованного планирования в СССР. Это, в свою очередь, будет способствовать обновлению теоретических основ экономики развития в контексте политики догоняющей модернизации России; решению проблемы несовершенства социальной коммуникации представителей науки и государственного управления; формированию новой теории планирования национальной и региональной экономики в парадигме школы постсоветского институционализма.

Литература

1. Афонцев С.А. От исследований к рекомендациям: политико-экономический алгоритм // Журнал новой экономической ассоциации. 2017. № 3 (35). С. 192–198.
2. Климанов В., Будаева К., Чернышова Н. Промежуточные итоги стратегического планирования в регионах России // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 5. С. 104–127. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-5-06.
3. Ленчук Е.Б., Филатов В.И. Стратегическое планирование – путь к устойчивому развитию экономики России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 35–47. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.2.
4. Babacan M. Change and continuity in national economic planning: a methodological survey. In: Yülek M.A. (Ed.). *Economic Planning and Industrial Policy in the Globalizing Economy: Concepts, Experience and Prospects*. Springer International Publishing Switzerland, 2015. Pp. 43–58.
5. Полтерович В.М. Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5 (47). С. 34–56. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.
6. Popov V.V., Jomo K.S. Are developing countries catching up? *Cambridge Journal of Economics*, 2018, vol. 42, pp. 33–46. Available at: <https://doi.org/10.1093/cje/bex025>.
7. Элман М. Что исследование переходных экономик дало мейнстриму экономической теории // Вопросы экономики. 2010. № 98–121 (пер. с англ. яз. его же статьи, опубликованной в: *Comparative Economic Studies*, 2009, vol. 51, pp. 1–19).
8. Ellman M. *Planning Problems in the USSR. The Contribution of Mathematical Economics to their solution, 1960-1971*. Cambridge (U.K.): Cambridge University Press, 1973. 222 p.
9. Campbell R.W. *Soviet-Type Economies: Performance and Evolution*. London: Palgrave Macmillan, 1974. 259 p.
10. Zaleski E. *Stalinist Planning for Economic Growth, 1933–1952*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1980. 788 p.
11. Nove A. *The Soviet Economic System*. 3rd ed. Boston: Allen & Unwin, 1986. 406 p.
12. Erlich A. Development Strategy and Planning: The Soviet Experience. In: Millikan M.F. (Ed.). *National Economic Planning*. New York: NBER, 1967. Pp. 233–278.

13. Ofer G. Soviet economic growth: 1928–1985. *Journal of Economic Literature*, 1987, vol. 25, no 4, pp. 1767–1833.
14. Эллман М. Советская индустриализация: выдающийся успех? // Экономическая история. Обзорение. Выпуск 13 / под ред. Л.И. Бородкина. М.: МГУ, 2007. С. 218–228 (пер. с англ. яз. его же статьи, опубликованной в: *Slavic Review*, 2004, vol. 63, no 4, pp. 841–849).
15. Kontorovich V., Wein A. What did the Soviet rulers maximise? *Europe-Asia Studies*, 2009, vol. 61, no. 9, pp. 1579–1601. Available at: <https://doi.org/10.1080/09668130903209145>.
16. Harrison M. *The Economics of Coercion and Conflict*. London: World Scientific Publishing, 2015. 428 p.
17. Ростой В.В. Стадии экономического роста. Нью-Йорк: Фредерик Прегер, 1961. 240 с.
18. Афонцев С.А. Политические рынки и экономическая политика. М.: КомКнига, 2010. 384 с.
19. Jasny N. *The Soviet Economy during the Plan Era*. Stanford: Stanford University Press, 1951. 116 p.
20. Bergson A. *The Economics of Soviet Planning*. New Haven: Yale University Press, 1964. 394 p.
21. Gregory P.R. *Restructuring the Soviet Economic Bureaucracy*. Cambridge (U.K.): Cambridge University Press, 1990. 181 p.
22. Sutela P. *Economic Thought and Economic Reform in the Soviet Union*. Cambridge (U.K.): Cambridge University Press, 1991. 197 p.
23. Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН; Фонд Первого президента России Б.Н. Ельцина, 2008 [2004]. 398 с.
24. Гайдар Е.Т. Экономические реформы и иерархические структуры // Сочинения в 2 томах. Т. 1. М.: Евразия, 1997 [1990]. С. 5–275.
25. Найшуль В.А. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину: анатомия застоя / сост. и общ. ред. Т.А. Ноткиной. М.: Прогресс, 1991. С. 31–62.
26. Кордонский С.Г. Рынки власти: административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2000. 240 с.
27. Корнаи Я. Социалистическая система: политическая экономия коммунизма. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2000 [1992]. 672 с.
28. Easterly W., Fischer S. The Soviet economic decline: historical and republican data. *World Bank Economic Review*, 1995, vol. 9, no. 3, pp. 341–371. Available at: <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/wps1284-soviet-economic-decline>.
29. Аллен Р.С. От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции. М.: РОССПЭН, 2013 [2003]. 390 с.
30. Rosenstein-Rodan P.N. Problems of Industrialization of Eastern and South-Eastern Europe. *The Economic Journal*, 1943, vol. 53, no. 210–211, pp. 202–211.
31. Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015 [1962]. 536 с.
32. Cheremukhin A., Golosov M., Guriev S., Tsyvinski A. The industrialization and economic development of Russia through the lens of a neoclassical growth model. *The Review of Economic Studies*, 2017, vol. 84, no. 2, pp. 613–649. Available at: <https://doi.org/10.1093/restud/rdw026>.
33. Popov V. Life cycle of the centrally planned economy: why Soviet growth rates peaked in the 1950s. In: Estrin S., Kolodko G.W., Uvalic M. (Eds.). *Transition and Beyond. Studies in Economic Transition*. London: Palgrave Macmillan, 2007. Pp. 35–57.
34. Попов В.В. Стратегии экономического развития. М.: Гос. ун-т – ВШЭ, 2011. 336 с.
35. Popov V. *Mixed Fortunes: An Economic History of China, Russia, and the West*. New York: Oxford University Press, 2014. 208 p.
36. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015 [2012]. 693 с.
37. Балацкий Е.В., Плискевич Н.М. Экономический рост в условиях экстрактивных институтов: советский парадокс и современные события // Мир России. 2017. Т. 26. № 4. С. 97–117. DOI: 10.17323/1811-038X-2017-26-4-97-117.
38. Грэхэм Л. Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014 [2013]. 256 с.
39. Kivinen M., Cox T. Russian modernisation – a new paradigm. *Europe-Asia Studies*, 2016, vol. 68, no.1, pp. 1–19. DOI: 10.1080/09668136.2015.1125573.

40. Gilman N. Modernization theory never dies. *History of Political Economy*, 2018, vol. 50 (Supplement), pp. 133–151. DOI 10.1215/00182702-7033896.
41. Диденко Д.В. Интеллектуалоемкая экономика: человеческий капитал в российском и мировом социально-экономическом развитии. СПб.: Алетейя, 2015. 408 с.
42. Социология образования. Дополнительное и непрерывное образование / Г.А. Ключарев, Д.В. Диденко, Ю.В. Латов, Н.В. Латова; под общ. ред. Ю.В. Латова. 2-е изд. М.: Юрайт, 2017. 432 с.
43. Rodrik D. Premature deindustrialization. *Journal of Economic Growth*, 2016, vol. 21, no. 1, pp. 1–33. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10887-015-9122-3>.
44. Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград: РГУ им. И. Канта, 2010. 531 с.
45. Woolcock M., Szepter S., Vijayendra R. How and why does history matter for development policy? *Journal of Development Studies*, 2011, vol. 47, no. 1, pp. 70–96. Available at: <https://doi.org/10.1080/00220388.2010.506913>.
46. Acemoglu D., Aghion P., Zilibotti F. Distance to frontier, selection, and economic growth. *Journal of the European Economic Association*, 2006, vol. 4, no. 1, pp. 37–74. Available at: <https://doi.org/10.1162/jeea.2006.4.1.37>.
47. Van Leeuwen B., Földvári P. Capital accumulation and growth in Central Europe, 1920–2006. *Eastern European Economics*, 2013, vol. 51, no. 5, pp. 69–93. DOI: 10.2753/EEE0012-8775510503.
48. Vonyó T., Klein A., Why did socialist economies fail? The role of factor inputs reconsidered. *Economic History Review*, 2019, vol. 72, no. 1, pp. 317–345. Available at: <https://doi.org/10.1111/ehr.12734>.
49. Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Оценка результативности государственных программ социально-экономического развития регионов России // Проблемы прогнозирования 2016. № 3. С. 81–94.
50. Южаков В., Добролюбова Е., Александров О. Как оценить результативность государственных программ: вопросы методологии // Экономическая политика. 2015. № 6. С. 79–98.
51. Дэвид П. Клио и экономическая теория QWERTY // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: ГУ-ВШЭ, 2006 [1985]. С. 139–150.
52. Arthur W.B. Competing technologies, increasing returns, and lock-in by historical events. *The Economic Journal*, 1989, vol. 394, no. 99, pp. 116–131.
53. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: ГУ-ВШЭ, 2010 [2005]. 256 с.
54. Pinhanez M. Rekindling governments from within: getting public sector elite officials to support government reform in Brazil. In: Amsden A.H., DiCaprio A., Robinson J.A. (Eds.). *The Role of Elites in Economic Development*. Oxford University Press, 2012. Pp. 307–326.
55. Zang X. Why are the elite in China motivated and able to promote growth? In: Amsden A.H., DiCaprio A., Robinson J.A. (Eds.). *The Role of Elites in Economic Development*. Oxford University Press, 2012. Pp. 231–247.
56. Thorbecke E. The evolution of the development doctrine, 1950–2005. In Mavrotos G., Shorrocks A. (Eds.). *Advancing Development*. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2007. Pp. 3–36.
57. Khan S. R. *A History of Development Economics Thought*. London – New York: Routledge, 2014.
58. Boyer R. Half a century of development theories: an institutionalist survey. In: Stathakis G., Vaggi G. (Eds.). *Economic Development and Social Change: Historical roots and modern perspectives*. London – New York: Routledge, 2006. Pp. 29–73.
59. Crafts N. Historical perspectives on development. In: Meier G.M., Stiglitz J.E. (Eds.). *Frontiers of Development Economics: the Future in Perspective*. Washington, D.C.: The World Bank, 2001. Pp. 301–334.
60. Conyngham W.J. *The Modernization of Soviet Industrial Management*. Cambridge (U.K.): Cambridge University Press, 1982. 332 p.
61. Beissinger M.R. *Scientific Management, Socialist Discipline, and Soviet Power*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1988. 363 p.

Сведения об авторе

Дмитрий Валерьевич Диденко — доктор экономических наук, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1; e-mail: didenko-dv@ranepa.ru)

Didenko D.V.

State Strategic Planning Experience in the USSR in Theoretical and Empirical Studies

Abstract. In recent years, the Russian Federation has been forming a strategic planning system, which exists in many countries with market economics. However, success of its implementation is assessed critically in scientific literature. This is where the goal of this article becomes relevant – expansion of theoretical and methodological framework, including instruments of new institutional economic history for studying empirical sources concerning institutional practices of USSR centralized planning from the perspective of needs of the RF strategic planning economics system. The greatest attention to this problem is paid in the development and institutional economics, which are interconnected with each other. The novelty of the research consists in the fact that we put forward our own methodological questions in the context of our original understanding of trends of development economics' evolution on the basis of our interpretation of studies which explored Soviet experience of centralized planning; formulation of working hypothesis for further empirical studies and their theoretical generalization. We use historical genetic and problematic approaches, general logical methods and techniques – system approach, generalization, analysis and synthesis. We compare individual concepts in the sphere of development economics with empirical studies. We find out that the slowdown of USSR economic dynamics urged development economics theorists to shift their focus from macroeconomics' modeling of production factors to the analysis of the institutional environment features. The approach to centralized planning as a key instrument of overcoming “traps of underdevelopment” (“market failures”) was substituted with understanding of transactional costs connected with it (“state failures”). It was stated that important issues, such as cooperation between institutions of scientific knowledge and state's management of economics, were not properly analyzed. The conclusion was drawn that the research on empirical sources, concerning institutions of soviet planning, using theoretical and methodological instruments of development economics, enriched with concepts of institutional economics, will contribute to the formation of new theory of national and regional economics' planning in the paradigm of post-Soviet institutionalism.

Key words: centralized economics, catch-up development, USSR, economic policy, institutional traps, market failures, state failures, history of economic thought.

Information about the Author

Dmitrii V. Didenko – Doctor of Sciences (Economics), Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Prospekt Vernadskogo, Building 1, Moscow, 119571, Russian Federation; e-mail: didenko-dv@ranepa.ru)

Статья поступила 27.06.2019.